18+

Алексей Попов

Куда пропадают люди

Алексей Попов
Куда пропадают люди

https://litres.ru/74928194
ISBN 9785007172332

Аннотация

Детектив Крези, лейтенант Горохов и бывший участник схемы Антон объединяются, чтобы вернуть пропавшим имена и лица. Антон, знающий изнутри, как работает эта машина, становится главным проводником по её тёмным коридорам: он учит видеть в безликих отчётах следы преступлений. Вместе они передают улики независимому бюро расследований «Горизонт», запускают публичный процесс и добиваются официального признания схемы.

Куда пропадают люди

Алексей Попов

© Алексей Попов, 2026

ISBN 978-5-0071-7233-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утро началось не с кофе, а с конверта. Он лежал на столе у Крези, будто ждал, когда тот вернётся: потрёпанный по краям, с неровно обрезанными уголками, будто его передавали из рук в руки, пряча от лишних глаз. На лицевой стороне — никаких марок, только адрес, выведенный дрожащей рукой, и ни имени отправителя, ни подписи.

Крези повертел конверт, прислушался к себе: внутри не было привычного холодного предвкушения загадки. Вместо него — лёгкая тяжесть, как будто бумага уже хранила в себе чью-то тревогу.

Он вскрыл конверт и достал лист. Письмо было написано от руки — почерк торопливый, местами почти неразборчивый, будто человек писал в спешке, оглядываясь через плечо.

«Я не знаю, кому ещё можно верить. Люди исчезают — не по одному, а будто город их стирает. Сначала соседка, потом

коллега с завода, потом парень, который каждый день стоял у киоска и шутил с продавщицей. Теперь его нет, и никто не спрашивает, куда он делся. А я нашёл кое-что: старые записи камер, где видно, как их уводят. Но я боюсь хранить это у себя. Если они поймут, что я знаю… я тоже исчезну. Пожалуйста, найдите их, пока не стало поздно. Я оставил флешку в почтовом ящике №17 на углу Заводской и Лесной. Пароль: „незабудка“. Не говорите никому, что она от меня».

Внизу — маленькая приписка, будто добавленная уже после:

«Они делают так, что кажется, будто человека никогда и не было».

Крези перечитал письмо дважды. Потом достал телефон и быстро сфотографировал лист — не потому, что боялся потерять, а потому, что хотел разобрать каждую строчку под увеличением.

На кухне тихо щёлкнул таймер — кофе давно остыл. Крези отодвинул чашку, накинул куртку и вышел, не закрывая дверь на ключ: в такие моменты замки не спасают.

Почтовый ящик №17 оказался ржавым, с перекошенной дверцей, которая открывалась с противным скрипом. Внутри лежала обычная флешка в прозрачном пакетике — никаких надписей, только крошечная царапина сбоку, будто её долго носили в кармане.

Он сунул флешку в карман, огляделся. Улица выглядела как всегда: серые фасады, лужи после ночного дождя, ред-

кие прохожие, уткнувшиеся в телефоны. Но теперь каждый из них казался частью какой-то невидимой схемы — будто город знал больше, чем показывал.

Первым делом Крези поехал не в участок и не к своим старым знакомым, а в маленькую мастерскую на окраине, где за старым монитором сидел человек, которого все звали просто Техник. Он не любил светиться, не задавал лишних вопросов и умел вытаскивать данные даже из сломанных устройств.

— Мне нужно посмотреть, что на этой флешке, — сказал Крези, кладя пакетик на стол. — И сделать это так, чтобы никто не понял, что мы вообще её открывали.

Техник хмыкнул, покрутил флешку в пальцах, потом вставил в специальный адаптер и запустил программу, которая не сохраняла ничего на диск, а читала данные прямо с носителя.

Через минуту на экране появились папки: «Камеры», «Маршруты», «Списки». В «Списке» были имена — те самые, что Крези уже видел в ориентировках, и ещё десяток незнакомых. Рядом с каждым — дата исчезновения и короткая пометка: «сектор 4», «переход Б», «подвал 12».

Но самое странное было в папке «Камеры». Там лежали фрагменты записей с разных точек города — не официальные архивы, а копии, снятые с мониторов наблюдения. На одной из них было видно, как библиотекарь сворачивает в переулок — и тут кадр дёргается, будто кто-то резко дёрнул

камеру. На другой — таксист выходит из машины, оглядывается, а потом к нему подходят двое в одинаковых тёмных куртках. Дальше — только помехи.

— Это не случайность, — тихо сказал Техник, глядя на экран. — Кто-то собирает эти записи, чтобы показать, что исчезновения связаны. И кто-то очень боится, что это увидят.

Крези кивнул. Он уже чувствовал, как из отдельных кусочков складывается картина: не просто пропажи, а система. Кто-то стирал людей из города, будто вычёркивал из списка.

— Можешь сделать копии и спрятать их в разных местах? — спросил он. — Так, чтобы если один архив исчезнет, остальные остались.

— Уже делаю, — буркнул Техник, щёлкая по клавишам. — Один уйдёт в облако, второй — на старый сервер, третий я запишу на плёнку.

усть попробуют стереть всё сразу.

Пока файлы копировались, Крези достал письмо и ещё раз вчитался в строчку: «Они делают так, что кажется, будто человека никогда и не было». Теперь он понимал, что это не метафора. Это описание метода.

Телефон тихо звякнул: пришло сообщение от лейтенанта Горохова.

«Ты опять лезешь не туда. В участке три новых заявления о пропажах за сутки. Если ты что-то знаешь — скажи. Но не играй в одиночку».

Крези задумался. Горохов не был союзником, но он был частью системы, которая хотя бы делала вид, что ищет людей. И если Крези пойдёт дальше, ему понадобится кто-то, кто сможет легально проверить маршруты и запросить данные, которые сам Крези не достанет.

Он быстро напечатал ответ:

«Есть зацепка. Флешка с записями камер и списками. Я покажу, но не в участке. Встретимся у старого моста. Через час».

Горохов ответил почти сразу:

«Ладно. Но если это ловушка — я тебя сам арестую».

Крези усмехнулся. Иногда «арестую» звучало почти как «я прикрою твою спину».

У старого моста ветер гудел в металлических балках, а вода внизу казалась чёрной, будто поглощала любой свет. Горохов пришёл один, в обычной куртке, без формы, и смотрел на Крези так, будто пытался угадать, сколько проблем тот сейчас принесёт.

Крези молча протянул ему флешку и листок с паролем.

— Здесь записи с камер, списки пропавших и маршруты. Кто-то убирает людей и делает так, что их будто не существовало. Смотри сам.

Горохов взял флешку, повертел в пальцах, потом спрятал в карман.

— Ты понимаешь, что если это правда, то мы имеем дело не с похитителем, а с системой? Кто-то внутри города делает

эти исчезновения невидимыми.

— Понимаю, — кивнул Крези. — Поэтому и не пошёл в участок. Там могут быть те, кто помогает эту систему поддерживать.

Лейтенант помолчал, глядя на воду.

— Тогда действуем так: я проверю данные через свой канал, но тихо. А ты ищи того, кто собирал эти записи. Если он оставил флешку, значит, он знает больше, чем написал в письме. Найди его, пока они не нашли его первыми.

Крези уже знал, с чего начать. В письме была одна деталь, которую он сразу отметил: «парень, который стоял у киоска». Значит, кто-то видел его каждый день. Значит, есть люди, которые замечают, когда кто-то исчезает.

Он достал блокнот и записал первое имя: продавщица из киоска. Если кто-то и мог рассказать, кто последним видел пропавших, — то она.

Киоск стоял на углу, будто врос в асфальт: старый, с облупившейся краской и витриной, за которой теснились пачки сигарет, бутылки газировки и стопки газет. Над дверью тихо гудел одинокий фонарь — он то мигал, то гас, будто не мог решить, стоит ли вообще светить.

Крези подошёл ближе и увидел за стеклом знакомое лицо — женщина лет пятидесяти с усталыми, но внимательными глазами. Она как раз пересчитывала мелочь, но, заметив Крези, на секунду замерла, будто поняла: этот человек пришёл не за жвачкой.

— Чего надо? — спросила она без враждебности, просто по привычке держать дистанцию.

— Вы тут каждый день стоите, — начал Крези спокойно, не пытаясь казаться кем-то другим. — Видите всех, кто проходит. Я ищу того парня, который тут у киоска всё время стоял. Тот, что шутил с вами.

Женщина медленно опустила руку с монетами, взгляд её стал острее.

— Бархатов. Дима. Он не «стоял», он тут почти жил. Приходил раньше меня, уходил позже. Говорил, что ему нравится смотреть, как город просыпается. А потом… потом он просто не пришёл. Ни в тот день, ни на следующий.

— И никто не спросил, куда он делся?

Она горько усмехнулась.

— Кому спрашивать? У него тут только я да пара постоянных покупателей. А в участке сказали: «Молодой, загулял». Как будто «загулял» — это диагноз, который закрывает дело.

Крези достал блокнот и открыл страницу с пометками.

— В последние недели тут крутились люди в одинаковых куртках. Тёмные, без логотипов. Вы их замечали?

Продавщица нахмурилась, будто пыталась вытащить из памяти что-то, что специально старалась не замечать, чтобы не тревожиться лишний раз.

— Были. Двое. Стояли у остановки, будто кого-то ждали. Потом один подошёл сюда, купил бутылку воды, но даже не открыл её. Просто держал в руке, как предлог. И смотрел…

не на товар, а по сторонам. Как будто считал, сколько людей мимо проходит.

— А ещё? — тихо спросил Крези.

— Ещё… был один, который всё время держался в тени. Не у киоска, а дальше, у поворота к старой станции. В такой же куртке, только капюшон глубже натянут. Я его запомнила, потому что он не отходил оттуда несколько дней подряд. Будто караулил.

Крези почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло — как шестерёнка, которая наконец встала на место.

— Вы помните, куда он смотрел чаще всего?

Женщина на секунду прикрыла глаза, вспоминая.

— Туда, где начинается тропа к заброшенной станции. Там ещё ржавый забор, а за ним — старые склады. Раньше там грузчики курили, теперь там пусто. Но он смотрел именно туда. И ещё… однажды я видела, как он кому-то махнул рукой. Не приветливо, а так… коротко. Как сигнал.

— И что было потом?

— Потом подъехала машина. Не такси, не доставка. Обычная, серая. Из неё никто не выходил, но тот человек в капюшоне кивнул и пошёл вдоль забора, будто его там ждали.

Крези записал: «тропа к станции», «ржавый забор», «серая машина».

— А вы не заметили… может, на куртке был какой-то знак? Нашивка?

Продавщица покачала головой.

— Ничего. Они специально такие и были — никакие. Как тени. Но была одна деталь… маленькая, глупая, а я почему-то её запомнила. У того, что покупал воду, на рукаве была царапина — будто он обо что-то зацепился. И на этой царапине… кусочек синей краски. Такой яркой, неестественной. Как будто от старой вывески или от контейнера.

Крези поднял на неё глаза.

— Это очень важно.

Она наконец вздохнула, и в этом вздохе было столько усталости, что казалось, она носила её неделями.

— Я боялась, что если скажу кому-то, меня сочтут сумасшедшей. Или скажут, что я всё придумала. Но когда пропал Дима, я поняла: я видела что-то. Просто не знала, что с этим делать.

— Вы всё сделали правильно, — тихо сказал Крези. — Вы сохранили эту деталь. А теперь я её заберу и посмотрю, куда она ведёт.

Он протянул ей свою визитку — простую, без лишних надписей, только имя и номер.

— Если увидите их снова — или если вспомните ещё что-то — звоните сразу. Даже если покажется, что это ерунда.

Она взяла карточку, посмотрела на неё, будто проверяя, настоящая ли, и кивнула.

— Позвоню.

Крези отошёл от киоска и остановился на углу, чтобы све-

рить заметки с картой города. Тропа к

станции, ржавый забор, склады… и синяя краска. Если эти люди использовали одно место как точку сбора, то там могли остаться следы. И если синяя краска — от контейнера или вывески, значит, можно сузить круг поиска.

Он достал телефон и быстро набрал Горохову:

«Есть зацепка. Люди в одинаковых куртках крутились у старой станции. Продавщица видела, как один из них подавал сигнал, и заметила синюю краску на рукаве. Похоже, они используют склады рядом с заброшенной станцией как перевалочный пункт. Проверь, есть ли там арендаторы или любые официальные заявки на доступ. И узнай, кому принадлежат серые машины в этом районе».

Ответ пришёл почти сразу:

«Уже смотрю. Но будь осторожен. Если это тот самый „сектор 4“, о котором были пометки на флешке, туда лучше не лезть в одиночку. Дай мне час, я подтяну пару ребят, которые не задают лишних вопросов».

Крези убрал телефон. Час. За час многое может измениться. Но он не собирался ждать в стороне. Он пойдёт к тропе, осмотрит забор, найдёт, откуда взялась эта синяя краска. А если увидит что-то подозрительное — не полезет напролом, а зафиксирует и дождётся подкрепления.

Тропа начиналась сразу за углом — узкая, заросшая травой, с выбоинами от старых колёс. Крези пошёл по ней медленно, прислушиваясь не только к звукам, но и к тишине: в

таких местах тишина бывает громче крика.

Забор действительно был ржавым, местами прогнившим, а в одном месте — отогнутым, будто кто-то часто пролезал туда и обратно. Крези присел на корточки и присмотрелся к металлу: на краю листа, там, где его гнули, остался лёгкий след — и да, он был синим. Не просто синим, а ярко-синим, как старая эмаль.

Он сфотографировал след, потом огляделся. За забором тянулись длинные одноэтажные здания — склады. Окна были заколочены, двери закрыты на тяжёлые замки, но у одного из углов лежала свежая охапка веток — будто кто-то пытался прикрыть следы.

И тут из-за угла склада донёсся тихий звук: не скрип металла и не шорох шагов, а что-то среднее — будто кто-то резко выдохнул или приглушённо выругался.

Крези замер, спрятался за выступом забора и достал диктофон. Он не собирался никого ловить. Пока что он просто собирал доказательства. Но теперь он точно знал: склад не заброшен. И те, кто стирал людей из города, были где-то совсем рядом.

Крези прижался спиной к шершавому бетону опоры, которая когда-то держала навес над тропой. Ветер тут был злее, чем в городе, — он пробирался под куртку, шевелил сухие ветки, и каждый такой шорох заставлял его вздрагивать: вдруг это не ветер, а кто-то идёт.

Он смотрел на экран телефона. Время тянулось, как ре-

зина. Горохов написал: «Буду через семь минут. Не лезь внутрь». Семь минут в темноте у заброшенного склада могли быть вечностью.

И всё же Крези не стоял просто так. Он снова подошёл к отогнутому листу забора, посветил фонариком на синюю краску, сфотографировал под разными углами. Потом обошёл угол, стараясь держаться в тени, и заметил ещё одну деталь: на земле, почти смытая дождём, но всё ещё различимая, лежала цепочка мелких вмятин — будто кто-то тащил что-то тяжёлое. Следы вели к дальнему складу, к двери, которую почти скрывали наваленные доски.

Крези уже хотел отойти, когда услышал шаги — не крадущиеся, а уверенные, тяжёлые. Он скользнул за опору и замер.

Горохов вышел из темноты не один. С ним шли двое — в куртках без знаков различия, но с той спокойной собранностью, которая бывает у людей, привыкших работать там, где свет не горит.

— Ты живой, — буркнул Горохов, подходя ближе. — Я уже начал думать, что ты решил штурмовать склад в одиночку.

— Не решил, — тихо ответил Крези. — Но тут есть следы. Кто-то что-то таскал. И краска на заборе совпадает с тем, что видела продавщица.

Один из напарников Горохова, высокий, с внимательными глазами, кивнул на забор.

— Я видел такие следы раньше. На старых логистических

узлах. Синяя эмаль — это старая маркировка контейнеров. Её использовали лет десять назад, потом сменили систему. Если тут кто-то до сих пор пользуется такими, значит, это либо старые запасы, либо кто-то специально держит стиль.

Горохов посмотрел на дальний склад.

— Дверь там приоткрыта. Не сильно, но достаточно, чтобы проскользнуть. Мы не будем вламываться. Сначала посмотрим.

Они двинулись вдоль стены, прячась за выступами, за кучами мусора, за ржавыми контейнерами. Крези шёл последним, прислушиваясь к каждому звуку. Он не хотел быть героем — он хотел увидеть правду.

Когда они подошли к углу, откуда открывался вид на боковую стену склада, Крези замер. На кирпиче, прямо под окном, кто-то вывел схему. Не мелом и не краской — скорее углём или жирным карандашом, который оставлял тёмные, глубокие штрихи.

Это была карта района: кривые линии, обозначающие переулки, крестики на местах, где пропадали люди, и стрелки, сходящиеся к складу. А рядом — короткие пометки: «окно 3», «дверь Б», «время 23:17». И самое страшное — внизу, под схемой, была нарисована таблица с именами. Не просто список, а график: напротив каждого имени стояли даты и время, а в последнем столбце — короткое слово: «перемещение», «фиксация», «удаление».

Крези почувствовал, как внутри всё сжалось. Это была не

просто схема. Это был план. И он работал.

— Они не похищают людей, — прошептал он, будто боялся, что стены услышат. — Они их… перемещают. Как грузы.

Горохов смотрел на схему так, будто пытался заставить её не быть настоящей.

— Значит, это не спонтанно. Это система. И кто-то её ведёт.

Высокий напарник достал фотоаппарат и сделал несколько снимков, стараясь не использовать вспышку.

— Надо брать это как доказательство. Если мы сможем связать эти пометки с реальными исчезновениями, у нас будет дело.

Но Крези уже смотрел не на схему, а на дверь, к которой вели следы. Она была приоткрыта ровно настолько, чтобы человек мог проскользнуть внутрь. И из щели пробивался тусклый свет — не яркий, а такой, какой бывает от переносной лампы или экрана.

— Там кто-то есть, — тихо сказал он. — Сейчас.

Горохов кивнул, достал рацию и коротко бросил:

«Группа на позиции. Видим схему на стене и приоткрытую дверь. Внутри, предположительно, есть люди. Ждём команду».

Ответ пришёл быстро:

«Держитесь вне зоны видимости. Подкрепление в трёх минутах. Не входите».

Лейтенант спрятал рацию.

— Три минуты. Мы просто ждём.

Но ждать было тяжело. Крези смотрел на схему, на имена, на стрелки, которые вели к этой двери. Он думал о Диме Бархатове, о библиотекаре, о людях, которых кто-то вычеркнул из города, как строчки из списка.

И тут дверь чуть приоткрылась шире. На порог вышел человек в тёмной куртке — такой же, как те, о которых говорила продавщица. Он огляделся, будто прислушиваясь к тишине, потом наклонился и что-то подобрал с земли. И в этот момент из глубины склада донёсся голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.